

Эдвард Пазухин, исследователь (ликвидатор).

Ядерных катастроф,

подобных Чернобыльской, в истории не было, и дай Бог, чтобы ничего подобного больше не случилось. Из-за взрыва реактора ЧАЭС образовалась огромная ядерная свалка под открытым небом. Ее следовало упрятать в бетонный саркофаг с очень толстыми (до десяти метров) стенами. Только так можно было воспрепятствовать дальнейшему распространению радиации. Однако как строить, если на месте проведения работ очень высокий (сотни рентген в час) радиационный фон? Получить там смертельную дозу облучения было проще простого. Тем не менее задачу выполнили, причем в предельно сжатые сроки - всего за пять месяцев. Кстати, зарплату строителям платили в пятикратном размере. Работы велись круглосуточно. В небе висел дирижабль, мощные прожекторы которого освещали площадку по ночам.

"Нам давали даже красную икру"

При возведении саркофага сразу была выбрана тактика, уберегшая от переоблучения многих людей, - работы в опасных зонах велись в основном дистанционными методами. Это означает, что человек, которому доверили, например, управлять трактором, находится не в кабине этого механизма, а в относительно безопасном месте - подземном бункере. Команды он передавал по проводу, "глазами" ему служили телекамеры, картинка с которых передавалась на экраны пультов управления. Для радиационной разведки сделали камеру, внешне похожую на глубоководный батискаф. Ее корпус изготовили из стали и свинца, а иллюминатор - из специального толстого стекла, не пропускающего радиацию. Специалистов, садившихся в этот "батискаф", поднимали над ядерными руинами на подъемном кране.

Однако совсем обойтись без присутствия людей в местах с очень высоким радиационным фоном было нельзя. Один из тех, кому доводилось идти в самое пекло, - наш собеседник, доктор технических наук Эдвард Пазухин. Во время возведения саркофага он возглавлял радиометрическую лабораторию правительственной комиссии. Эдварду Михайловичу уже 71 год, но он до сих пор работает в Чернобыльской зоне в должности заместителя директора отделения Института проблем безопасности атомных электростанций Национальной академии наук Украины.

- Я один из небольшого числа людей, кому довелось побывать возле таких объектов разрушенного чернобыльского энергоблока, которые излучают более тысячи рентген в час! - говорит Эдвард Пазухин.

- Как же вам удалось выжить?

- Так я ведь профессионал, знаю, как уберечься. Далеко не везде можно было замерить уровень излучения с вертолета (один из них, к сожалению, разбился), с камеры ("батискафа". - Авт.) или с помощью роботов. Поэтому приходилось идти нам, дозиметристам.

Бывали, впрочем, совершенно абсурдные задания. Меня потрясло, когда поступил приказ направиться в печально известный рыжий лес, чтобы выяснить, можно ли из его древесины сделать... бумагу для школьных учебников. Напомню, что рыжий лес стал знаменит тем, что после взрыва реактора он погиб от радиации. Хвоя из зеленой стала ржавого оттенка.

Как оказалось, кому-то пришла в голову мысль доложить в Москву, что это "добро" пропадает даром. Из правительства прислали распоряжение: проверить, нельзя ли пустить

погибшие сосны на бумагу для школ. Бред, конечно, но приказ есть приказ, пришлось выполнить.

Заметим, тогда мясо коров с зараженных территорий смешивали с чистым и пускали на тушенку, а из молока, полученного в загрязненных селах, делали сгущенное молоко. Так что идея пустить в дело рыжий лес не столь уж уникальна.

- Ну, а как выводили из организма радиацию? - спрашиваю у Эдварда Пазухина.

- Спиртное способно отчасти нейтрализовать воздействие гамма-излучения. Было время (еще до Чернобыля), когда работникам, выполнявшим задания, связанные с риском облучения, выдавали спирт. Но затем от этого отказались, поскольку вреда больше, чем пользы: люди под благовидным предлогом попросту спивались. Так что на строительстве саркофага обходились без водки или вина. Насколько мне известно, если милиция обнаруживала, что в 30-километровую зону везут алкоголь, разбивала бутылки (многие чернобыльские ликвидаторы рассказывают, что сухого закона все же не было. - Авт.).

- Давали ли вам пищевые добавки, выводящие радиацию?

- Нет. Но кормили шикарно. Даже красную икру давали. Было много овощей, фруктов, чернослива.

"Лимузин "Чайка", на котором приезжал глава правительства СССР, пришлось отправить на могильник"

- На ночлег мы должны были ездить в относительно чистое место - в село Коленце Иванковского района (находится на границе с Чернобыльской зоной. - Авт.), но мы туда редко выбирались - работы было невпроворот, - продолжает Эдвард Пазухин. - Так что спали у себя в лаборатории, подстелив фуфайки, на столах и полу. Сама же лаборатория находилась в подвале местной типографии по соседству с комнатой правительственной комиссии. Я хорошо был знаком с ее членами, даже председателю Совета Министров СССР Николаю Рыжкову довелось руку пожать - он приезжал на строительство объекта "Укрытие" (так официально называется саркофаг). Правительственный лимузин "Чайка", на котором привезли Рыжкова, так сильно загрязнился радиацией, что его пришлось отправить на один из могильников.

Правительственной комиссией по очереди руководили заместители председателя Совета Министров СССР, они сменяли друг друга каждые две недели. Приехав на ЧАЭС, первым делом шли фотографироваться на фоне строящегося саркофага, а с ними свита - человек пятьдесят. Их пытались отговорить, ведь за "фотосессию" каждый получал немалую дозу облучения - около одного бэра. Но чиновники не слушали - начальство хотело иметь эффектный снимок. Об этом "ФАКТАМ" рассказал бывший главный инженер объекта "Укрытие" Вадим Грищенко. Дозы могли быть куда большими, но, к счастью, на стройплощадке удалось снять шестиметровый слой зараженного грунта и насыпать чистый.

- К вам и лидер Советского Союза Михаил Горбачев с женой Раисой Максимовной наведывался, - обращаюсь к Эдварду Пазухину.

- Я его там не видел. Равно, кстати, как и Аллу Пугачеву. Считается, что она дала концерт в Чернобыльской зоне. Но выступала-то примадонна в Зеленом Мысу, а это почти чистое место, туда везли отдыхать ликвидаторов после рабочей смены. Так что особому риску певица себя не подвергала.

- И все-таки, как вы спасались от переоблучения?

- Знаете ли, высшее образование я получил на спецкафедре химического факультета Ленинградского госуниверситета. Там нас хорошо научили, как беречься от радиации. Самое главное, чтобы зараженная пыль не попала внутрь организма. Значит, следует защитить нос и рот. Поэтому ликвидаторы и носили на лице так называемые "лепестки". А когда мы шли в особо опасные места, надевали респираторы с надежным фильтром ("оленьки").

Я ужасался, когда приходилось наткаться на группы солдат срочной службы - 18-20-летних пареньков, которые в те дни курили буквально у стен чернобыльской станции. Спрячутся за угол и дымят, тем самым всасывая в себя радиацию! Приказывать им у меня права не было, но по-отечески прикрикнешь: "Прекратите курить! Кто у вас старший?" "Лейтенант", - отвечают, показывая на парня немногим старше их. Смотрю, а у него самого сигарета в зубах...

Вообще, посылать туда столь молодых ребят не следовало. Ведь губился генофонд нации. Причем бросали молодежь на крайне опасные задания. Достаточно напомнить, что их руками очистили крышу третьего энергоблока от кусков графита с ядерным топливом. Впрочем, непосредственно на строительстве саркофага задействовали профессионалов - специалистов Министерства среднего машиностроения СССР, организации, по сути, военной, самыми молодыми там были тридцатилетние.

- Трудились ли там женщины?

- Действовал запрет на привлечение женщин детородного возраста. Ну а более старшие были поварами, занимались некоторыми другими относительно безопасными работами. "Чтобы определить, сколько радиации получили, усаживались на датчик... голым задом"

- В какую экипировку, кроме респираторов, вы облачались, когда шли на опасные задания?

- Надевали на себя три пары белья, столько же комплектов костюмов, - отвечает собеседник. - Впрочем, и это не всегда спасало от загрязнения кожи радиоактивной пылью. Бывало, вернешься с задания, разденешься и обнаруживаешь узкую грязную полоску от шеи к паху. Это дорожка пота с радиоактивной пылью. Чтобы пот не затекал за пазуху, придумали заматывать шею полотенцем. На руки надевали резиновые перчатки, но ладони все равно загрязнялись. Чтобы их очистить, прибегали к так называемой негритянской биосорбции. Погружали руки в очень концентрированный раствор марганцовки, после этого цвет кожи на ладонях становился таким, как у коренного жителя Африки. Затем окунали в щавелевую кислоту, руки становились розовыми и сморщенными, как у младенца, но самое главное - чистыми от радиации.

На голову надевали шапочку и каску, на ноги - резиновые сапоги до колен, ведь на разрушенном энергоблоке было много радиоактивной воды. Так что такие сапоги ленинградской фабрики "Красный треугольник" были в самый раз.

- Была ли возможность проверить, какую дозу вы получили?

- Использовали дозиметры и еще один незамысловатый, но надежный способ: садились, извините, голым задом на датчик гаммаспектрометра. Представляете, уважаемый вами

сотрудник сидит посреди лаборатории со спущенными штанами. Конечно, смеялись до упаду. И даже фотографировались.

Благодаря нашему оборудованию мы ели яблоки, орехи, виноград, сливы, созревшие в Чернобыльской зоне. Проверишь плод и знаешь, как с ним поступить - выкинуть или скушать.

- Вы более 20 лет трудитесь в зоне отчуждения, бываете на самых опасных участках. Просто диву даешься, как вам удастся сохранить здоровье и работоспособность.

- Чувствую себя бодро, несмотря на то, что мне уже 71 год. Всю трудовую жизнь имею дело с радиацией. Особых проблем из-за этого, к счастью, не было. Я женат, у меня есть дети. Ничем не болею, того же желаю и читателям "ФАКТОВ". Я не боюсь радиации. Это очень важно, ведь если человек находится в состоянии постоянного стресса из-за страха переоблучиться, он подорвет себе здоровье. Недаром ведь говорят, что все болезни от нервов. Не поддаваться страху мне помогает чувство юмора. Кроме того, у меня, вероятно, индивидуальная устойчивость к радиации.

- Можете припомнить анекдоты, которые рассказывали ликвидаторы?

- Анекдоты в памяти не держатся. А вот песню из фильма "Семнадцать мгновений весны" мы тогда перефразировали: "Не думай о секундах свысока. Наступит время, сам поймешь, наверное. Тебя сюда послали, дурака, чтоб на тебе проверить излучение..."

P.S. В ноябре завершились масштабные работы по укреплению (стабилизации) конструкций саркофага. На это истрачено около 400 миллионов гривен. После ремонта объект будет безопасным не менее 15 лет. Следующим шагом станет строительство "Укрытия-2", под которое упрячут саркофаг.